

быть выстроена как на основе анализа ответов представителей бизнеса и власти по отдельности, так и на основе их общего мнения (но только на основании выявленных совпадений позиций представителей бизнеса и власти по ключевым вопросам социальной политики бизнеса).

Построенная модель социальной политики бизнеса в современном российском регионе может использоваться для выявления региональной специфики социальной политики бизнеса. Для этого по аналогичной схеме на основе анализа литературы и результатов аналогичных исследований можно построить модель социальной политики бизнеса для другого региона или российскую модель и провести сравнительный анализ.

Таким образом, проведение предварительного анализа причин, форм, и перспектив участия бизнеса в социальной политике современного российского региона на основе использования метода моделирования позволит обозначить основные контуры модели социальной политики бизнеса в понимании самого бизнеса и представителей различных уровней власти, что на данный момент затруднено в силу недостаточной теоретической и эмпирической изученности особенностей реально осуществляемой социальной политики или намерений бизнеса в российском регионе.

В то же время, даже если подобные исследования будут носить именно описательный, а не объяснительный характер (последние имеют большую эвристичность), в результате перед исследователем возникнет ряд серьезных вопросов, на которые пока нельзя дать однозначных ответов: всегда ли то, что предпринимает бизнес в области социальной политики, выгодно обществу? Не является ли результативное давление власти, местных сообществ, работников на бизнес, побуждающих его заниматься социальной политикой, тактической победой, которая в перспективе может оказаться долгосрочным проигрышем? Каковы тенденции формирующейся системы взаимодействия бизнеса и власти в области социальной политики? Эти вопросы заслуживают дальнейшего специального изучения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 06-02-60209 а/Т и № 07-03-00321а.

Латынов Р.Ф., г. Уфа

БИЗНЕС КАК СУБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Влияние бизнеса на государственную кадровую политику является одной из наиболее неоднозначных проблем нашего исследования. С одной стороны действующее законодательство России категорически запрещает совмещение государственной должности или должности государственной гражданской службы и участие в предпринимательской деятельности. Но с другой стороны, вне зависимости от воли законодателя, крупный бизнес сам выступает как неформальный субъект государственной кадровой политики, оказывая или пытаясь оказывать влияние на кадровые назначения. С момента своего выхода из подполья в самый начальный период постсоветской истории России бизнес заявил о своих амбициях участвовать в формировании власти и как и всякий субъект государственной кадровой политики начал вырабатывать свою «кадровую идеологию». В 1992 году основатели «Менатеп» М.Б. Ходорковский и Л.Б. Невзлин стали соавторами скандально известной книги «Человек с рублём», материалы которой хорошо демонстрируют, как далеко простирались политические амбиции будущих российских олигархов. «Еще несколько месяцев назад мы считали за благо власть, которая бы не мешала нам, предпринимателям» - писали М.Б. Ходорковский и Л.Б. Невзлин - «теперь этого недостаточно». Структуры власти, по мнению авторов, существуют на деньги крупных

налогоплательщиков, то есть большого бизнеса, а потому только бизнес должен формировать власть: «Мы не сдвинемся с мертвой точки, пока не произойдет перелома в общественном сознании, что именно предпринимательское сословие выходит на арену власти, становится правящим, что только от него зависит, появится ли в стране, наконец, неподкупное, независимое правительство». [1]

Однако как показывает многовековой опыт России и стран Запада бизнес должен быть отделен от власти и особенно от кадровой политики так же надёжно, как и армия. Стремление некоторых российских идеологов сделать из фигуры предпринимателя, особенно «малого» объект культа, своеобразный «класс гегемон» по аналогии с марксистским идеологическим конструктом «пролетариата», не имеет под собой никаких оснований. В полном соответствии с принципами теории рационального выбора крупный бизнес преследует, прежде всего, свои интересы, которые далеко не всегда совпадают с интересами общества.

Поэтому логика любого кадрового законодательства основана на запрещении должностным лицам быть причастными к осуществлению коммерческой деятельности, владеть акциями или быть поверенными в делах третьих лиц. В частности Федеральный Закон «О правительстве Российской Федерации» предусматривает запрет для членов Правительства Российской Федерации: «заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе участвовать в управлении хозяйствующим субъектом независимо от его организационно-правовой формы». [2]

Как показывает практика подобная система ограничений далека от полной эффективности. Бизнес и акции номинально оформляются на жён, детей и других родственников при фактическом сохранении над ними контроля до стороны гражданина занимающего государственную должность. Вместе с тем само наличие данных ограничений представляется весьма позитивным, поскольку всё же ставит кадровые амбиции капитала в определённые рамки.

Вместе с тем, в некоторых аспектах бизнес имеет легальное право участия в определении кадрового состава органов власти и, прежде всего Законодательной финансируя избирательные кампании кандидатов ангажированных представлять интересы капитала в парламенте. В англосаксонской политической традиции существует понятие «фондрайзинга», то есть сбора денежных средств на избирательную кампанию кандидата. По оценке американского политтехнолога Д. Перлматтера: «Фондрайзинг не может быть таким видом деятельности, которым занимаются от случая к случаю. С самого начала 75% времени кандидата должно быть отведено на привлечение финансов» [3;304]. Некоторые из политических экспертов США, в частности Том Кинг, доводят эту цифру до 85%. Например, российский олигарх Владимир Богданов, глава компании «Сургутнефтегаз», «активно вложился в предвыборную кампанию не только триумфатора губернаторских выборов в Тюменской области Сергея Собянина, но и явился таинственным спонсором немецкой партии ХДС и экс-канцлера Гельмута Коля». [4; 157]

Однако Россия не была бы Россией, если и здесь не пошла своим особым «самобытным» путём. Если, например, в Соединённых Штатах крупный бизнесмен ангажирует на защиту своих интересов в Конгрессе или федеральной legislatures «продвинутого» юриста или политолога из среднего класса, что, кстати, способствует снижению остроты социальных противоречий и способствует обновлению политической элиты. То в России бизнес «забирает себе всё». Всё чаще среди вновь избранных депутатов – бизнесмены и топ менеджеры ведущих предприятий России. В Самарской области в новом составе законодательного собрания заседают «несколько представителей «АвтоВАЗа», в нём также сформировалось мощное лобби ТЭКа и прежде всего «Газпрома» (руководители

«Самаратрансгаза», «Межрегионгаза» и «Волгопромгаза»). В Красноярском крае депутатом стал генеральный директор Норильского горно-металлургического комбината, в Якутии – президенты компаний «Алмазы России-Саха» и «Сахазолото». «Возникла, как отмечают эксперты, своеобразная мода: всякий уважающий себя хозяйственный руководитель должен стать депутатом». [5;99]

Примерно к 2002 – 2003 гг. наметилась новая тенденция во взаимоотношения бизнеса и государства в кадровой политике. Бизнес пошёл во власть. Губернатором Чукотки становится Р. Абрамович, А. Хлопонин – Красноярского края, Приморья – С. Дарькин. Президентом республики Саха-Якутия – президент компании «Алмазы России – Саха» В. Штыров. В 2003 году Межпромбанк в лице одного из его совладельцев С. Веремеенко предпринял неудачную попытку захвата власти в Республике Башкортостан в ходе выборов Президента республики.

Однако в период возрождения капитализма в России в 90-е годы XX века процесс взаимодействия государства и бизнеса по вопросам кадровой политики стал иногда выходить за рамки Закона, приобретая по оценке С.В. Перегудова характер «приватизации власти», что предполагает полное сращивание бизнеса и власти. В ряде территорий, где утвердилась эта модель отношений, региональные интересы понимаются как собственные интересы победивших групп бизнеса или отдельных предпринимателей. Схема здесь проста: первоначально капитал конвертируется во власть, а затем власть начинает приносить доход. «В ряде случаев здесь складывается ситуация близкая к криминальной. В городе Нефтеюганске (Ханты-Мансийский автономный округ) мэром был избран предприниматель В. Петухов. Как сообщалось в печати, сразу за избранием Петухова последовали кадровые перестановки: на все ведущие посты в городской администрации были назначены руководители фирм, принадлежавших новоизбранному мэру». [6;203-204]

«Алюминиевым губернатором» называют руководителя Хакасии А. Лебеда. На этот пост его выдвинули корпорации, контролирующие алюминиевую промышленность республики и в частности Саянский алюминиевый завод (САЗ). САЗ, по признанию самого Лебеда, поддержал его в ходе выборов в Государственную Думу, а затем финансировал предвыборную кампанию на пост премьер-министра республики. «Следует отметить, что сразу же после победы Лебеда заместитель генерального директора САЗа А. Саркисян был назначен его первым заместителем, а другой представитель предприятия возглавил комитет по экономике. Выдвигая «своих» кандидатов на высокие посты в регионе, финансово-промышленные группы надеются получить «карманную» власть, которая не будет вмешиваться в распоряжение экономическими ресурсами». [7; 203-204]

В связи с этим субъектность бизнеса в кадровом процессе в органах государственной власти является объективным политическим фактом. В связи с этим необходимо, во-первых, введение нового перспективного направления связей с властью – «**кадрового GR**» или **кадрового лоббизма**. Во-вторых, осуществить надлежащую правовую, политическую и нравственную оценку этого явления. Политическая система, гражданское общество и система законодательства в идеале не должны допускать влияния бизнеса на кадровые процессы. На наш взгляд, это соответствует не только интересам государства, общества, но и самого бизнеса. Собственно феномен российской «олигархии» возник в результате сращения власти и бизнеса. Как результат – монополизация рынка, недобросовестная конкуренция, что мешает развитию рыночных отношений и невозможность развития среднего и малого предпринимательства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ходорковский, М.Б. Человек с рублем / М.Б. Ходорковский, Л.Б. Невзлин [Электронный ресурс]. – М.: compromat.ru, 1999 – 2007. Режим доступа: <http://www.compromat.ru/main/hodorkovskiy/srublem8.htm>. - 14.01.2007.
2. О правительстве Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. в ред. 2007 г. // Сборник законодательства Российской Федерации. – 1997. - № 51. – Ст. 5712.
3. Справочник по политическому консультированию / под редакцией Дэвида Перлматтера. – М.: Инфра-М, 2002. – С. 304.
4. Политическая элита. Политический ежегодник. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
5. Перегудов, С.П. Группы интересов и российское государство / С.П. Перегудов, Ю.Н. Лапина, И.С. Семенов. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
6. Перегудов С.П. Группы интересов и российское государство / С.П. Перегудов, Ю.Н. Лапина, И.С. Семенов. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
7. Перегудов С.П. Группы интересов и российское государство / С.П. Перегудов, Ю.Н. Лапина, И.С. Семенов. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Махначева Е.С., г. Москва

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВА В ПРОГРАММЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ КРЕДИТНЫХ ГАРАНТИЙ СУБЪЕКТАМ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Одной из основных проблем развития предпринимательства России на современном этапе является недоступность для них кредитных ресурсов коммерческих банков и лизинговых схем, как правило, по причине отсутствия необходимого залогового обеспечения по средне- и долгосрочным проектам малого и среднего предпринимательства. Для преодоления подобной проблемы в большинстве стран мира с развитой экономикой созданы с непосредственным участием государства и успешно функционируют различные схемы разделения рисков при кредитовании субъектов малого и среднего бизнеса. Участие государства в разделении рисков наряду с самим заемщиком и кредитующей финансовой организацией осуществляется, как правило, в лице специально созданной организации с доминирующим участием государства.

В России до начала 21 века, к сожалению, не было аналогов таких схем. Примерами регионов-первооткрывателей, где функционирует система разделения рисков, аналогичная созданная в зарубежных странах, являются Ленинградская область и Удмуртская Республика.

В августе 2003 года создано открытое акционерное общество «Агентство кредитного обеспечения», единственным учредителем которого является субъект Российской Федерации - Ленинградская область [1]. Единственным видом деятельности Агентства является предоставление поручительств, гарантирующих выполнение Заемщиком обязательств по кредитным и лизинговым договорам при недостатке необходимого залогового обеспечения у субъекта малого предпринимательства.

Программа предоставления кредитных гарантий субъектам малого предпринимательства Удмуртии [2] (далее - Программа) разработана в соответствии с Республиканской целевой программой по государственной поддержке и развитию малого предпринимательства в Удмуртской Республике на 2004 - 2008 годы [3], и определяет основные направления и порядок развития Удмуртским государственным фондом поддержки малого предпринимательства (далее - УГФМП), созданным в 1995 году [4], системы финансирования субъектов малого предпринимательства на основе предоставления гарантий (поручительств) по кредитам, получаемым ими в банках, договорам финансовой аренды (лизинга).